

К Р И Т И К А

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

Когда Владимир Крупин входил в литературу, дожидая творческой эвк доведенные писателя, процветали военные, проповедующие высокий нравственный облик строителя “земного рая” и самоотрешённую любовь к Родине — “раньше думай о

К 75-летию Владимира Крупина

В отличие от русскоязычной — не чужой ни духа, ни слова народного, не жалющей ради хлесткого словца ни мать, ни отца, — крестьянская проза, звучащая по всей России-матушке словно вечным набатом, отзывалась во всякой живой русской душе.

Деревня приманивала, волновала, радовала и кручинила писателей, как островок, где ещё теплилась русскость, где ещё дивом дивным, чудом чудным выжила совесть — предтеча покаянной любви к Всевышнему, — где народ ещё помнил тысячекратное величавое сказовое, песенное слово, ещё не вырванный из рук самобытного художественного ремесла.

А если иной и не владел словом, не привадились к искусному ремеслу, то просто жил художником в душе, чующим народную природную красу. Дух совести и красоты “деревенская” проза и запечатлела.

Владимир Крупин не смерк в тени возлюбленных народом, всесветно славленных крестьянских писателей, а встал наособицу в силу своеобычности дарования, предельно реального... события, казалось, прямо из записной книжки... но порой и предельно фантазматического, хотя, опять же, и предельно исповедального, отчего знатоки русской словесности повеличали писателя представителем исповедальной прозы.

Валентин Распутин писал: “Проза Владимира Крупина — это нечто особое в нашей литературе, нечто выдающееся и на удивление простое. (...) Не знаю никого из авторов второй половины XX столетия, кто бы так мастерски обращался с фактом, с тем, что происходит ежедневно, превращая его с помощью ему одному доступных средств в совершенные формы. Одно из двух: или с писателем Крупиным постоянно что-то происходит интересное, едва не на каждом шагу встречается ему личности-самородки, или писатель Крупин настолько интересен сам, что способен преобразить в откровение любое рядовое событие. (...) И в письме его ни с кем не перепутать. Это какая-то особая манера повествования — живая, даже бойкая, яркая, воодушевлённая, образная, в которой русский язык “играет”, как порою весело и азартно “играет” преломляющееся в облаках солнце.”

Писательское счастье Владимира Крупина в том, что его примитил, привитил и полюбил Валентин Распутин, Царствие ему Небесное, творчество которого о ту пору уже высоко оценили в Советской России: с выходом первых деревенских повестей наградив Государственной премией. У зна-

Родине, а потом о себе”... Паслась в сих поколениях и начальственная зауряд, полонившая книжные прилавки кирпичами многотомных сочинений, но не таилась в тени и мастера прозы и поэзии, любимые народом.

менитого писателя имелся некий дружеский круг, что таинственно менялся, но, думаю, ближе всех Распутину был Владимир Крупин.

...Встречи мои с Владимиром Крупиным были случайные, мимолётные, по сей день робко ученические, и обычно прилюдные; коли Валентин Распутин читл Владимира Николаевича, то писатель нередко и гостил в Иркутске, встречаясь с читателями, чаще в осенние “Дни русской духовности и культуры”.

В эти дни изрядно наслушался я столичных писателей, которых поимённо, титульно и поклоном величал Валентин Распутин, отец торжества. Иные писатели вещали глубокомысленно, с духовной страстью, иные... Изрядно поклебал я вина с хлебом на писательских сабантуях, а посему ведаю, что писатели, покинув письменные столы, словно шаткие челны, убежав от житейской чая, а уж бедовые писатели, особо губернской либо те, что в столице без году неделя, те, словно лихие казаки, омочившие ус в горилке, утоаються, пока не падут рогами в пол. А без памяти, что утром речь говорить...

Помню, читальный зал публичной библиотеки битком набит, яблоку негде упасть, ждут книгочеи сокровенные и спасительные думы, восторженно глядя на любимого прозаика; а тот, бедолага, трясётся, дует вотицу из графина, и мучительно гадаёт, о чём же говорить, когда не знаешь, что говорить, когда голова гудит, словно вёчевой колокол, и горит, пышет жаром, словно банная каменка, плесни воды и по-змеиному зашипит.

Поэту проще, даже после буйного застолья разбудил посреди ночи, забубнит куплетцы, с летами так вызубренные, что от зубов отскакивает, а каково ж прозаику?... не роман же читать... Перво-наперво надо сотворить бойкий зачин, думает бедняга, а там,

любви, неприязни, ненависти, раздражения, жалости и интуитивного понимания собственного предназначения. Поразительно, сколь волшебной может быть не переусложнённая смыслом и стилем русская проза в обстоя-

глядии, и раскрутится зачин, словно шерстяной клубок, и потянется нитка, и похмельная мука уляжется, и думы протусуются. А вот и зачин родился: “...Утром гулял по набережные реки Ангара, а встреч — сибирячки, одна краше другой, да все ядрёные, матёрые, — верно, друзья, сказал Ломоносов: “Россия будет прирастать Сибирью...”

Не вем, попадал ли в эдакую беду Владимир Николаевич, но сколь слушал его на иркутских литературных вечерах, столь же и дивился любомудру и красноречивости его речей; хотя, словно подгоняемый несметным

"Милостив буди мне грешному..."

знанием, говорил он порой скороговористо, горячо и даже запальчиво; ну да, се не беда, — речено же в Откровении Иоанна Богослова: коли “ты тёпл, а не горяч и не холоден, то исторгну тебя из уст Моих”. И речи его — миссионерские проповеди, разом и покаянные исповеди, — недаром, в далёкие народные лета, Крупина именовали ещё и представителем исповедальной прозы.

Помню давнее, от юности, яркое впечатление: библиотечная гостиняя битком набита книгочеями, а за долгим столом, укрытым вишнёвой скатертью, матёрые писатели, и среди них Владимир Крупин, о ту пору молодой, но уже и забородатевший по самые охоты, робко глядящий в зал. Лицо странно сочетающее строгую иконописность и ласковую, скоморошескую потешность...

И вдруг заговорил да на деревенский лад, и я подивился: да как же столица и пединститут не выбили из парня чудной и чудный вятский говор?! Позже Владимир Николаевич вспоминал: пришёл в московский пединститут со своим вятским поговоро, и шарахались от глухогомного студента преподаватели и девушки, что любят культурных, городских; любила его, кажется, лишь преподаватель диалектологии, да и то лишь потому, что можно, не выезжая в деревню, изучать диалект прямо в институтских стенах. И вот Владимир Николаевич, со смущённой улыбкой, со вздохами заговорил, а народ книго-челный затаил дыхание в ожидании великих откровений от писателя из столицы...

Это нынче Владимир Николаевич хоть от зари до зари толковал бы о Святой Руси, а тогда лишь посоветовал: дескать, вот писатели сидят, — и ука-зал на почтенную писательскую череду, — а он, де, покои еше писатель; а тут из зала: “А какой приехал?! да ещё и на сцену вышел?!” В народе смех, и уже таким свейским и простым показался писатель. А ведь понятие простоты в русском простолудье слыло за большую хвалу: мол, душевный, нелукавый, бесхитростный, а перво-наперво, свой в доску. Простых любил, простых доверяли. Если простота, ко-

нечно, не та, что хуже воровства, а когда по Святому Писанию: *будь кроток, как голубь, но мудр, как змея*. Была ли в писателе змеиная мудрость, не ведаю, но простоты душевной и весёлого задора хватало.

Из речей Владимира Крупина, кои доводилось слушать на иркутских писательских вечерах, из повествований и сказов последнего десятилетия, особо о великом крестном ходе, о паломничестве в Иерусалим ко гробу Господню и на Святой Афон, из своих

Анатолий БАЙБОРОДИН

русского, исповедующего православное христианство. Но и русская традиционная художественная литература, как и всё профессиональное русское искусство, в предельно сложных отношениях с православным христианством, русская литература в ретроспективе двух веков то сближалась с Церковью, напоминая тропу к храму, то по ереси либо немощи отдалялась до вольного и невольного, осознанного и неосознанного противостояния.

Лишь в русское средневековье письменная литература опиралась на православно-христианские воззрения, поскольку средневековая литература и вышла из Церкви, от Святого Писания и Священного Предания. Пример тому своды летописей и, наконец, “Слово о законе и благодати” митрополита Илариона. А уж в эпоху классицизма, возрождения — литература, впад в идейную смуту, постепенно отдаляется от Церкви, и в литературе, как и во всём искусстве, слышны мистические отзвуки греческого и римского язычества, исповедники которых в союзе с иудеями убили и умучили тысячи первохристиан: рвали крючьями тела, кидали в котлы с кипящей водой, распи-

нали на крестах, как и Христа Бога, бросали тиграм и львам на растерзание, а просвещённым римлянам на погладение, и всё лишь за то, что христиане отказывались поклониться Аполлону, Марсу, Венере, Вахку и прочим идолам бесовским, проклятия и римские, и греческие капища и жрецов их. Ныне же бесы красуются в Летнем саду Санкт-Петербурга, словно на демоническом капище...

Владимир Крупин, воцерковлённый раньше иных именитых писателей, сразу после крушения хотя и народной, но богоухольной власти осознал и запечатлел в своих произведениях

мысль о том, что мирскую литературу с православным христианством далеко развело друг от друга то, что художественная литература, даже и клас-

сическая помещицья XIX века, классическая народная XX века, кроме избранной, опиралась обычно на мудрость дальнюю — мудрость мира сего, мудрость от человек, что в христианском понимании — безумие. В Послании святого апостола Иакова утверждается: “Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская” (Ик.3:15).

Да, случаясь, воспоет в мирской дальней литературе как добро, в божественной зорней осмыслялось как зло. Не говоря уж о западно-европейской, падшей, даже русская литература, высоконаравственная, без нигилизма и цинизма, за малым исключением была конфликтна православному сознанию, ибо, согласно христианской этики, нравственные начала без божественного духа, как добрые земные деяние ради ближних, а не Христа ради, — человекоугодничество, не спасающее душу в грядущем Царствии Небесном.

А если уж судить о художественности, то вспомнюсь мне иерейское суждения о сем: “Не говоря уж о истинной духовности и любомудрии, и в образном слове царь Давид боговдох-

новенными псалмами затмил всех ваших шекспиров...”

...Валентин Распутин однажды сказал, что русский человек, владеющий землёй, во святом крещении обрёл небо... Несмотря на оглушительное разочарование в светской литературе, даже классические вершинной, всё же остались избранные русские писатели, духом и словом восходящие к православному средневековью; и среди сих избранных свыше и Владимир Крупин.

Воспевший и оплакавший крестьянскую вселенную, писатель в зрелом духовном осмыслении пошёл дальше прославленных писателей-деревенщиков: раньше облачившись во Христа, мистически чуж в понятии крестьянин — крест и Христос, писатель в своём творчестве оценивает земную реальность уже не с временных идеологических “кошек” зрения, а с вечной, единственно истинной точки зрения — божественной.

Произведения Владимира Крупина, созданные в нынешнем веке, исполнены чисто и ясно, без языковой витиеватости, когда писательский язык заплетается, словно хмельной, и без лукавого мудрствования, “да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого” (Мф. 5:37) — поскольку писатель ведаёт, сеющее слово “за всякое праздное слово (...) дадут (...) ответ в день суда” (Мф.12:36).

Писатель изображает православный мир с доброй улыбкой к церковным “неофитам”, без духовного высокомерия, свойственного фарисеям и книжникам; описывает житейские случаи с тёплой любовью к ближним — сказано же классиком русской литературы Николаем Гоголем: “Не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спасёшься вам”.

Православную церковную жизнь, слитую с мирской, пишет не “варяг” с наскоку и налёту, а искренно воцерковлённый прихожанин, живущий единой жизнью с мирянами из простолоуды, деля с братом и сестрой хлеб и соль, горести и радости.

Описывая события житейские, не говоря уж о церковных, писатель исподволь даёт уразуметь, что за всяким человеческим деянием, мирским событием — Промысел Божий, что и материальный мир живёт по законам духа, что боговдохновенный русский писатель — мытарь, который в произведениях бьётся лбом в церковный половицы и покаянно вопит: “Богже, милости буди мне грешному”, покаянным же воплем соизывая народ к покаянию и спасению.

Писатель, ежели не от лукавого, — воспитатель детского сада, где дети — родной народ, и пред Всевышним писателю, как иерею, архиерею, отвечать за свою душу и души читателей. Во тьму ли крошечную спихнул несчастных словом своим, к покаянию, спасению и блаженству позвал ли...

(Полный вариант — на сайте)

О повести Веры Галактионовой

Небольшая повесть Веры Галактионовой “Мы будем

До поры до времени

любить” удивительна ощущением тайнства жизни. Неожиданно от предмета или житейской ситуации начинают двигаться волны смысла и чувств, и читатель вдруг оказывается в бесконечном пространстве, в котором всё взаимосвязано и пронизано какой-то непостижимой вселенской мыслью.

Сюжет развивается неторопливо, в нём огромное количество подробностей предметного мира, деталей человеческих характеров, окрашенной речи персонажей, тонкой, едва проявленной

любви, неприязни, ненависти, раздражения, жалости и интуитивного понимания собственного предназначения.

Паразитально, сколь волшебной может быть не переусложнённая смыслом и стилем русская проза в обстоятельствах сегодняшнего дня, когда даже воздух в России напитан неприязнью человека к человеку, цинизмом и полным отрешением от будущего.

В повести совсем нет политики и публицистики, её главная героиня словно бы находится на пороге вечности, как звено, которое должно присоединиться к уже существующему мирозданию. Читателя подкупает и мудрость автора, и метафизика повествования, и великодушный, точный язык — то яркий, то приглушённый.

Эту прозу можно считать по-настоящему женской — настолько велик и таинствен мир, возникающий в душе главной героини. Её не случайно зовут Марией, как не случайно в её устах соседствуют слова Бог и Путь, которые она считает за древнего иероглифа.

Между тем удивительно всего, что такая почти надмирная проза принадлежит перу писательницы, многие страницы которой можно считать высоким образцом современной русской мысли.

Аналитический ум и мастерское владение публицистическим пером, так ярко проявившиеся, скажем, в недавней её статье “Русское Слово и мировой Ordnung”, берут начало в глубоком лиризме её дарования. И в этом — один из важнейших приоритетов нашей литературы.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

О книге стихов Любови Колесник “Радио Мордор”

Вышла в свет третья книга стихов талантливой поэтессы (поэта! — как не преминет поправить она — и будет права) Любови Колесник (Соломоновой). Называется “Радио Мордор”. Это всего лишь третья книга в её авторской судь-

дело вонзались жёсткие иголки, которые говорили о самобытном и жёстком характере молодого автора”.

Вторая книга под коротким и чётким названием “27” вышла в издательстве “Русская провинция” в 2004 году. Шесть лет в юности, тем более для поэта — целая эпоха. Что изменилось? Много. Начну с авторского коммента-

рия к названию: “*Лет в 15 хочешь, чтоб им тебя обожал, / в 25 молчишь, чтоб он от тебя отстал. / В 27 — Гамаюном с пятого этажа...*”.

Не пугайтесь: Люба жива и здорова. Это Ника Турбина сорвалась с пятого этажа — наверно потому, что потерялась в этой чересчур сложной жизни. А Люба, словно по совету Олега Шестинского, всё это время активно осваивала внешний мир — то потрясённо удивляясь его красоте, то брезгливо отворачиваясь от его убогости. И, главное, постоянно исследуя: а как это вообще сочетается? Приведу несколько коротких цитат: “*Падший ангел бродит сумрачный*” — “*Змей тебя в сердце ужалил, архангел*” — “*Не пытайся быть как я*” — “*Весна! О как ты ненавистна*” — “*Мне столько душ не исцелить*” — “*Больше не хочу с тобой целоваться*”... Но что цитаты, если каждое (ну, почти каждое) стихотворение Любы — это маленький осколок вечности?

Их надо просто читать и читать. Со-чувствием тем, кто не имеет такой возможности.

Конечно, не все её понимают — и не только, скажем, члены провинциально-го литературного объединения, но и некоторые дипломированные и ослепленные критики. В адрес одного из них, позволившего себе под видом критики явно не парламентские обороты, она написала вот эти строчки:

Сколько я себя помню — столько я себя покля, столько бумага правит вывернутой судьбою. Что ты во мне увидишь, сколько ты прочитаешь? Сдохни, проклятый критик, ты ничего не знаешь!

Об одноимённой книге стихов Андрея Козырева

Расшифровывая снег...

Еще сама по себе задача эта выдаёт в поэте философа, не готового довольство-

Расшифровывая снег

ваться просто описательством, просто игрой эмоций или фиксации чувств.

Снег чертит орнаменты — и в них скрыты коды бытия, и кому как не поэту попробовать отгадать их, и даже если невозможно сие, сам процесс отгадывания рождает энергию, дарующую замечательные стихи.

“Осен в Великой степи” так отличается от “Осени в Византии”, как темпераменты противоположных по-этов, и Андрей Козырев создаёт картины эпические, и вместе с тем нежные, владея стихом разнообразно и могуче — от изысканных верлибров, до тонко инструментованных боль-

ших стихотворений.

Эти последние особенно интересны — мысль в них ветвится, точно идёт астральными коридорами, что не доступны обычно, не поэтическому оку, и ассоциации растут, богато расцвеченные пестротой радуги. Трамвай вполне может увезти в рай, расплёскивая по небу листки

Расшифровывая снег

вспоминаний; а свой крепко-сибирский род вписан в протоплазму пра-памати, как сложные детали корейской игрушки — одна в другую, так, что не зыять. “Городской сон” логически вытекает из “Русского неба” — ибо, как бы велико оно ни было, творящееся под ним чаще вызывает боль, а не радость. Стих Андрея Козырева естественен, как запах укропа, и обладает стальной стержневой силой, без которой текст превращается просто в называемые слов.

Дух степей, полынный, горький, звонкий, Настоялся, как в дому, в душе,

О прозе Ильи Оганджанова

Я убеждаюсь, что у нас есть ещё скромные писатели. Я имею в виду не писателей со скромными литературными данными — нет, они скромны дословно и не умеют или не хотят себе продвигать, рекламировать, не мытьём, так катанием завоёвывать привилегированное положение в обществе. Их очень немного. Один из них — Илья Оганджанов (род. 1971).

Скромность его проявляется не только в поведении, но и в том, что и как он пишет.

Он пишет рассказы. А у нас любому умному и тонкому рассказу предпочтут огромное, полное художественных пороков “полотно”. И несмотря на то, что Оганджанов уже многие годы печатается в “толстых” литературных журналах, не слышно, чтобы о нём говорили или, тем более, выдвигали в лауреаты каких-то премий.

Допускаю, что в подобном сомнительном признании он не нуждается, но убеждён, что его короткие, умные, неброские рассказы заслуживают вдумчивого и — хочется сказать — негрубого внимания.

Он начал писать, по-видимому, ещё в девяностые, во всяком случае, это время действия его первых рассказов. Какие-то особые, причудливые темы он не искал, понимая, что жизнь богаче любого, самого уникального воображения. Из повседневно жизни он и стал брать сюжеты, поначалу автобиографические. Вот рассказ “Обычное дело”. Разводится семья, разменивая квартиру, и главный герой рассказа, увлечённый математиком подросток, вместе с матерью покидает столицу, переезжает в Подмоскovie и устраивается в новую школу. Там он имеет неосторожность помочь по алгебре школьной “красавице”, не принимая во вни-

мание то, что в неё влюблён жестокий и сильный десятиклассник, не последний человек среди местных шпаны. Главного героя вызывают после уроков на пустырь и избивают до полусмерти.

Казалось бы, историй, подобных этой, тысячи, в том числе великое множество их в литературе. Но Оганджанов сумел рассказать её со своими психологическими нюансами, так, что не зыять.

Написав эту последнюю фразу, я задумался. Ведь, в сущности, это является основной задачей художника — творить в своих произведениях жизнь. Это мало кому удаётся. Обычно выходят “типы”, “куклы”, мёртвые ландшафты, карикатурные портреты. Оганджанов — один из немногих счастливицков.

Ещё одно наблюдение, сделанное при чтении его рассказов. Чаще всего он обрывает рассказ “на самом интересном”... Казалось, такое произведение, как подрубленное дерево, должно рухнуть, увянуть, но этого не происходит. Рассказ неизменно успевает состояться до того, как автор его прерывает, — и успевает прорасти в сознании и сердце читателя, заставляя размышлять и чувствовать о дальнейшем.

Над чем размышляет своими образами писатель? Как бы исповедь, не отступая от своей внутренней деликатности, всё говорит и говорит писатель о психологической природе человека, а именно, о склонности человека к насилию.

Один из лучших рассказов Оган-

жанова — рассказ “Дамба”, очень сложный по архитектонике, при этом, как всё подлинное, удобо-читаемый. Если говорят о полифонии романов, то в данном случае мы вправе ска-

зать о полифонии рассказа... Но всё-таки выделяется сцена, которая отчётливо отражает тревожащую писателя тему.

Юноша и девушка, ещё совсем подростки, какое-то чувство между ними, похожее на любовь. Девушка увлекается божьей коровкой, и юноша услужливо ловит насекомых и демонстрирует его. Интерес девушки удовлетворён, но не удовлетворён юноша таким скорым пресыщением девушки. Он сдвигает пальцами несчастного жука, и брызжет бурная, липкая жидкость.

Едва ли не над каждым его рассказом вспоминаешь нищанскую “волю к власти”. Но Оганджанов не склонен ничего утверждать или опровергать, не горит желанием полемизировать с великими теориями. Он только старается что-то прояснить, приглашая читателя до чего-то дочувствоваться.

И действительно, когда читаешь, например, рассказ “Опустевшая планета”, о том, как овдовевшая мать психологически поработила своего взрослого сына, когда замираешь в размышлениях над прочитанными страницами, кажется, что-то проясняется в поднебесной высоте философских построений, а больше всего здесь — на земле.

Илья КИРИЛЛОВ